

Айгуль Талиякберова

Деревенская невестка

ЛУИЗУ Никодим Аркадьевич невзлюбил сразу. Деревенская простушка, с раздражающим слух оканьем и громким смехом. Из всех забот у неё только хозяйственные вопросы: где мяса лучше купить, когда половики вытряхнуть, в чём бельё кипятить.

А ему, преподавателю в третьем поколении, главным в человеке был интеллект, начитанность, аристократичность. И хоть интеллигенцию в России истребляли, смешивали с простым народом, всячески пытались сделать рядовой, она всё равно просачивалась и брала верх. Покуда жива интеллигенция, жива

и Россия, был уверен Никодим Аркадьевич. На них, профессорах, учёных, учителях держится страна. Никак не на простых работагах. Работаги народ простой, бесхитростный, необразованный, что скажут, то и делают. Что, собственно, хорошо, у каждого ведь своя роль. Но именно благодаря благородным мужам страны, таким как он сам и его предки, Россия и выживает во всех страшных катаклизмах, выпадающих на её долю.

В этом Никодим Аркадьевич был уверен, и вера его была непоколебима, как вера иных в Бога.

Луиза – его третья невестка – жена младшего сына Алексея. Имя-то какое-то ненастоящее, не русское. В сочетании с их благородной фамилией выходит вовсе не благозвучно – Вяземская Луиза Петровна. Тьфу, позорище!

И чем она только взяла Алексея? Хотя ясно чем: грудью не обижена, глаза, как у телёнка, наивные, коса с запястье толщиной. Ни дать ни взять сошла с полотна Алексея Венецианова.

Старшие невестки внешне ей уступали, но только до тех пор, пока она рта не раскроет. Потому как говорить с Луизой было решительно не о чем. Не то что с Алевтиной (женой старшего сына) или Лидией (спутницей среднего). Вот те окружали Никодима Аркадьевича вниманием и неподдельным интересом. Расспрашивали, советовались, внимали слову. Сразу видно, дамы получили должное образование, выросли среди книг и умных речей, а не в поле среди телят...

Наталья, жена, мнения его не разделяла. Любила Луизку, радовалась, что сын на ней женился, говорила, что больше всех ему повезло. Подолгу они с ней о чём-то беседовали (вернее, трещали как сороки) на кухне. Невестка Наталью даже каким-то премудростям обучила, то ли бельё отбеливать, то ли зеркала начищать – Никодим Аркадьевич не вникал...

После рождения у Луизы третьего ребёнка, надежду на то, что они разведутся, Никодим Аркадьевич потерял. Алексей интеллигент, а не подлец! Да и благодаря такой плодовитости невестки им дали квартиру. Двухкомнатную, добротную, с высокими потолками. А старшие всё в коммунальных ютятся. Потому как не плодятся их жёны, как кошки, и умы их заняты научными трудами, а не мещанством. Алевтина докторскую защитила, Лидия в издательстве замом главреда служит. Обе на благо народа трудятся, просвещением занимаются.

Никодим Аркадьевич своих чувств к невестке не скрывал, не считал зазорным поправить её за общим столом, замечание сделать:

– Луиза, класть, а не лóжить. Не ихний, а их. Не егошный, а его!

– Ладно, папа... – улыбалась невестка.

– Не отец я тебе! Сколько раз говорить? Неужели так сложно запомнить – Никодим Аркадьевич?

– Никодим, не бушуй – вступалась жена.

– Папа! – вскипал сын.

– Пуцай учит меня уму-разуму, – примиряла всех Луиза. – Среди людей ведь живу, так хоть говорить по-человечески буду.

– Ты и так не по-собачьи лаешь! – заводился Алексей.

– Ну пóлно... – хлопала его по руке Луиза и подкладывала мужу добавки.

Казалось, она не замечала намёков свёкра, высказываний и явного непримирения с её происхождением. А от этого старик ещё больше злился, хотелось, чтобы поняла деревенщина, в какую семью ей выпала честь попасть, чтобы благодарна ему была, что не воспротивился свадьбе... Но куда ей, недалёкой?

Годы не шли, летели. Вот уже и у Алексея виски чуть засеребрило, младшую дочь в школу отправил. Никодим Аркадьевич разменял девятый десяток.

Не предупреждая, не намекая, ушла из жизни Наталья. Вот вроде ходила, рубашки мужу гладила, овощное рагу готовила. А в одно утро не встала с постели и сгорела в считанные часы.

Никодим Аркадьевич одноминутно постарел, сгорбился. Стал похож на потерявшегося щенка, бродит-бродит по квартире, а что ищет, не знает.

Луиза приходила через день, приносила диетической еды, стирала одежду, гладила рубашки.

– Луиза, я в состоянии за собой ухаживать! – сердился старик.

– Конечно, па... Никодим Аркадьевич, конечно, можете. Так я ж только чуток помогу, и всё. Вы вон как вкучу кашу на завтрак сварганили, вижу, что не голодаете, а посуду давайте я помою.

Он морщился, но уступал. Больше всего старика беспокоило то, что поговорить не с кем. Раньше с Натальей он своими соображениями делился, а сейчас кому рассказывать? Ну не Луизе ведь?! И сразу расхотелось читать книги, листать журналы. Обсудить-то не с кем.

Старшие сыновья заглядывали редко – работы много. Жизнь нынче тяжёлая, ему непонятная, все куда-то стремятся, о благе России говорят редко, всё больше о себе пекутся. Вышел Никодим Аркадьевич как-то до магазина за хлебом (последние годы дальше сквера возле дома не ходил) и обомлел. Цены-то, цены! Хотелось бужениной себя побаловать, а денег только на колбасу и хватило. Плюнул, вернулся домой, пожевал хлеб, что Луиза принесла и спать лёг.

Стал ворчливым. Придут сыновья, обижаются, что внуков не приводят. Привезут внуков, жалуется, что шумят они, ему, старику, никакого покоя нет. Всё не так и не эдак Никодиму Аркадьевичу нынче. Книги забросил, записи не ведёт, всё опостылело или, как Луизка говорит, обрыдло.

Недолго после Натальи маялся – слёг. Ни встать, ни рукой пошевелить. Инсульт, говорят врачи, возраст и переживания сделали своё дело. Больше ничего не услышал – провалился в сон.

Проснулся оттого, что в кухне спорят. Старшие сыновья приехали с жёнами, шепчутся, да так, что на крик порой переходят:

– Аля, у нас однокомнатная квартира и дочь-подросток! Куда нам ещё одну кровать поставить?

– Ты, думаешь, у нас места столько, что лезгинку танцевать можно? – отвечает ей Алевтина. – Да, две комнаты,

только маленькие очень и дети разнополые. Куда нам его пристроить?

Понял Никодим Аркадьевич, что о нём речь, как будто о вещи какой говорят, обидно стало, затрясся подбородок, а руки еле слушаются, слезу не утереть. Нет, из своего дома никуда он не уйдёт! Позвал детей, а получилось будто мычит громко, те прибежали, испуганно смотрят на него, мол, не слышал ли он разговора. Слова во рту в один комок сбились, что сказал и сам не до конца понял. Но как мог, объяснил, что уходить из этого дома намерен только вперёд ногами. Переглядываются.

Вот и Алексей с Луизой приехали. Она руки вымыла и тут же к нему:

– Никодим Аркадьевич, как вы? Лёша, гляди, как неудобно лежит. Аля, там в шкафу подушка, дай-ка мне её. – Алевтина, скривив губы, ушла. А Луиза всё хлопочет. – Лёшенька, давай ты Никодима Аркадьевича подыми чуток, а я подушку за спиной пристрою. Вот так, во-о-от. Никодим Аркадьевич, удобнее так?

Тот кивнул, а подбородок опять затрясся: только она одна и подумала о том, чтобы ему удобно было.

– Пап, ну ты чего? – подлетели сыновья.

Только рукой махнул.

А Луиза уже на кухне гремит чем-то, через минуту пришла с дымящейся тарелкой, одной ногой табурет подтянула, села.

– Бульончик сварила, горячий ещё: в термосе привезли. Полезный бульон, костный, Лёша специально ездил, искал хорошие... ингрин-диенты. Никодим Аркадьевич, айда покушаем? – и ложку за ложкой скормила всю тарелку. Как дитю малому на ложку дует, подбородок промокает.

От сытости да теплоты задремал старик, а проснулся – нет никого, только Луизка в кресле сидит, рубашку его штопает...

На работе женщина отпуск взяла,

а потом и вовсе уволилась. Пояснила коротко: «Как же я вас одного брошут? Мама там на небе увидит, не простит». Никодим Аркадьевич злился, он и так её терпеть не может, а тут целый день её общество выносить приходится. Да ещё получается, будто он её благодарить должен, из-за него же с работы ушла... Но ещё пуще злился на то, что никто, кроме неё, с ним сидеть не хотел. Сыновья на работе, им семьи содержать. Но они хоть каждый день приезжают. А невестки... Ну что с них взять? Они на благо страны служат, им до старика дела нет. Хоть и обижался старик, но внутри себя старших невесток оправдывал, а на Луизу злился, будто она виновата во всём. Прогонял её, ругался, еду её отодвигал, хотя знал, что всё равно она убедит его съесть, и он проглотит до последней крошки. Потому как Луиза все его предпочтения у свекрови выяснила, а когда это произошло, Никодим Аркадьевич и заметить не успел.

Раздражался, когда она его упражнения заставляла делать. Мычит, ругается, а она знай над душой стоит то с мячиком игольчатым, то с эспандером. Две недели массажистка приходила, а как десять сеансов прошли, так Луиза заявила:

– Сама буду делать! Чего ж я не смогу, что ли? А то ведь так до пролежней можно долежаться.

Таблетки минута в минуту даёт, из деревни трав привезла, отварами поит, настоями. Давление постоянно мерит, записывает, бдит.

Иной раз сядет к нему, по руке погладит и вздыхает:

– Разговаривать вам надо, а не с кем. И я не тот собеседник! Вы хоть поругайте меня за что-нибудь, словам правильным научите. А то меня уж и дети поправляют, совсем запутали: то ли звонит, то ли звонит.

Никодим Аркадьевич сердится, от Луизы отворачивается. А она старый

альбом притащила и давай пальцем тыкать, мол, это кто, а это где. И ведь не отстаёт, прилипала! Никакой тактичности...

На ночь сыновья по очереди приезжали – Луиза домой отправлялась. Утром приезжала, когда уже домашних отправит и дела домашние сделает. Вот в эти часы Никодим Аркадьевич от невестки и отдыхал, хотя сложно, если куда-то встать надо, а рядом нет никого. Но зато тишина, никто кастрюлями не гремит и с упражнениями не пристаёт. Что уж говорить, сыновья иногда и про таблетки забывали, ни о каких травах речи не было. Только и разговаривали с ним мало – уставали после работы.

А потом Алевтина на работе отпуск взяла, Луиза на неделю к своим в деревню укатила – огород засаживать время пришло. Никодим Аркадьевич радовался, глядишь от такого общества он быстрее восстанавливаться начнёт...

Да не тут-то было! Алевтина в первый день сухо улыбнулась, погрела суп, оставленный Луизой, покормила его и уткнулась в научный журнал, стала делать пометки в блокноте. Никодим Аркадьевич пытался расспросить невестку что читает, над чем работает. Но та сделала вид, будто не понимает его постинсультной речи, хотя он недвусмысленно указывал на журнал. Про массаж и упражнения Алевтина «забыла» несмотря на то, что эспандер лежал на столике возле кровати. Обед, ужин – всё у неё по расписанию. А попросил чаю «лишний» раз, приготовила с таким видом, будто одолжение сделала. И молока добавила маловато, и с сахаром переборщила.

Вечером уехала до того, как муж сменил её, мол, дела у неё ещё есть. Уходя, даже не спросила, надо ли ему что-нибудь. А он, между прочим, в туалет хотел, а идти одному тяжело. Пришлось самому идти, хоть голова слегка и кружилась.

Никодим Аркадьевич пытался внутри себя оправдать невестку, но всё же не получалось. Слишком уж пренебрежительно вела себя Алевтина. А ему хотелось заботы и участия, которыми окружала его покойная Наталья. Вот уж с кем было хорошо: она и выслушает, и накормит вкусно, и лишнего не станет говорить. Как же так вышло, что она ушла раньше него?

Мужчина всегда считал, что страшно умирать, потеряв рассудок, впад в детство. А вот сейчас думал, что уж лучше стать снова ребёнком, чем быть таким, как сейчас – всё понимать, всё осознавать, но быть физически беспомощным, зависеть от других.

Через несколько дней старик понял, что скучает по Луизе. Станным образом, но её присутствие делало дом жилым. Звон посуды, громкий смех, когда она разговаривала по телефону, шипение утюга, когда она наглаживала постельное бельё, песни, которые она неизменно напевала во время готовки. Всё это звуки живого дома. Алевтина приходила и самое громкое, что звучало – дзиньканье микроволновки, когда она грела ему еду: готовить она не любила, поэтому варила сразу большую кастрюлю супа и кормила ею старика несколько дней. Всё остальное время сидела в кресле и шуршала журналом, изредка интересуясь, не нужно ли ему что-то или выдавая по расписанию лекарства. Нехотя отрывалась от работы, когда ему нужно было в уборную.

Вернулась Луиза, и старик даже пустил слезу радости, когда услышал из прихожей громкое:

– Никодим Аркадич, здрасьте! Это я, Луиза.

Через несколько минут она уже села рядом с ним, взяла за руку (Алевтина ни разу этого не сделала, всё сидела в кресле у окна):

– Ну, рассказывайте. Как вы тут без меня?

Он от волнения что-то ответил, но слова сбились в кучу. Она хлопнула по руке:

– Всё хорошо, всё хорошо. Я варенья из деревни привезла, вкуснущее. Малиновое! Тётка моя по рецепту секретному варит – ум отъешь. Сейчас с вами чайку попьём, потом массажик я вам сделаю. На улице-то теплынь какая! Сейчас на балконе всё устрою и погулять выйдем, птичек послушаем.

Она ушла на кухню, послышалась возня, захлопали шкафчики, зашумел чайник. Женщина разговаривала сама с собой, вспоминая, где лежат травы, и ругаясь, что всё переставили как попало и чашки плохо помыли. Да, Луиза никогда не была тихой, вокруг неё всегда кипела жизнь...

Через пятнадцать минут она принесла Никодиму Аркадьевичу чай с молоком и чуть сладкий, всё как он любит. От чая отдавало какой-то травой и любовью.

Руки старика не слушались, и она не спеша напоила его чаем, вприкуску с вареньем. А когда он языком начал вычищать застрявшую косточку, не смущаясь, помогла снять вставную челюсть, промыла её и помогла поставить на место. Попросить об этом Алевтину ему и в голову не пришло бы, а Луизе ничего объяснять не надо.

Он уснул, а когда проснулся, в комнате витал аромат котлет и бульона. Впервые после её отъезда он поел с аппетитом. А потом они пошли «гулять» на балкон, слушали птиц. И Луиза рассказывала, что знает о жизни пернатых, да не только тех, что в городе живут, но и про повадки лесных рассказала. У неё дед охотником был, в детстве много рассказывал. Жалко, что не особо слушала, сетовала она.

Хоть по привычке Никодим Аркадьевич и хмурился, капризничал, но сердце его таяло от присутствия «деревенщины».

С каждым днём разговаривать ему становилось сложнее, передвигаться труднее, но Луиза была рядом, не роптала. А как у ребятишек учебный год закончился, так и вовсе стала с ночёвкой оставаться. Я здесь нужнее, говорила. Несколько раз сыновья оставались, и Никодим Аркадьевич пытался объяснить Алексею, как ему повезло с женой, чтобы берёг он её, а она в долгу не останется, в трудный час не бросит. Но не очень-то у него получалось. В мыслях всё складно, а как рот раскроет, так каша.

– Никодим Аркадич, я вам булочек напекла, мягоньких с изюмом, – зашла в квартиру Луиза. Старик поднял тяжёлые веки.

– Па-а..., – попытался что-то сказать.

– Сейчас, Никодим Аркадич, руки помою и приду. Ну, как вы? Чайку попьём?

– Па-а-а... Я па-а-а, не Ни-и-и

– Не переживайте, Никодим Аркадич, не переживайте. Неудобно что-то? Замотал головой.

– Болит где?

Мотает.

– Что-то хотите?

Мотает отрицательно.

– Ну а что? Давайте я вам ручку с блокнотом дам, не спеша напишите. Ладно?

Кивнул.

Она блокнот на книгу положила, держит, а старик дрожащей рукой выводит. Луиза ждёт. Закончил, толкает ей блокнот. А на нём неровными печатными буквами выведено одно лишь слово «ПАПА».

Слёзы хлынули из глаз. И у Луизы, и у старика. Обняла она его осторожно, но крепко:

– Конечно, папа! А как иначе? Это я тебя для виду по имени-отчеству величала, а в душе всё равно папой звала. Я же знаю в душе, и ты меня любил, просто другая я, не такая умная. Но уж какая уродилась, не обессудь.

Старик пытается что-то сказать, она ему по руке тихонько хлопает:

– Молчи, знаю. Всё знаю, не переживай. Мне слов не надо, я же сердце слушаю, что мне слова? Папа...

Проплакались оба, успокоились, женщина встала:

– Пойду чайку нам сделаю. Травяной будешь или с молоком?

– М-мо-о...

– Поняла, с молоком. Ну сейчас попьём. Дети чуть булочки не растащили, еле урвала. Но нам почаёвничать хватит, тебе много мучного нельзя, да и мне тоже – похлопала себя по бокам и ушла на кухню.

Старик откинулся на подушки и устало улыбнулся. Успел. Успел сказать ей то, что вот уже неделю в себе держал. Как он, человек с двумя высшими образованиями, научной степенью и десятком опубликованных научных трудов, мог так ошибаться в ней? Правильно Наташа говорила: на иных людей только сердцем смотреть надо.

А теперь ему и помереть не страшно, чуть боязно, конечно, но когда рядом такая дочь, то любой путь преодолеть можно. Даже последний.

